

ЗНАКИ СУДЬБЫ

Александр Форш

*Ангельский
АНГЕЛ*

Annotation

Это задание сразу показалось Евгению странным: у некой дамы похищены деньги и драгоценности, но найти она просит лишь фигурку ангела, вырезанную из янтаря. Какой же секрет скрывает неказистая на вид безделушка, если за ней ведется настоящая охота? Сыщик запутался, тем более что и сам оказался неожиданно вовлечен в непростое дело янтарного ангела.

Александр Форш

Янтарный ангел

© Белов А., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Татьяне Форш с любовью. Мечты сбываются!

Автор также выражает благодарность Екатерине Неволينوю за неоценимую помощь в работе над текстом.

Ибо какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?

Евангелие от Матфея

Было у отца три сына...

Их осталось двое: он и брат. С раннего детства отец готовил их к тому, что выживет только один. Тот, кому суждено прервать цепочку смертей, снять проклятье.

Сразу после смерти среднего брата осознание собственной бесполезности легло на его хрупкие плечи. *Он* остался самым младшим, самым хилым, самым ничтожным.

Отец даже не пытался скрывать своего пренебрежения, всегда выделял того, другого, обещал передать ему знания и силу. А *он* оставался разменной монетой, пешкой, агнцем, возложенным на жертвенный камень. Иногда, засыпая, *он* представлял не свое будущее, как делали все нормальные люди, а собственную смерть.

Интересно, какой она будет?

Он умирал сотни и тысячи раз: горел в огне, падал с огромной высоты, однажды даже умер от старости. Это была его любимая версия смерти, самая желанная, такая недостижимая.

Старший брат никогда не воспринимал *его* всерьез. Зачем любить щенка, который, ты точно знаешь, однажды исчезнет? Потенциальный покойник не заслуживает хорошего к себе отношения. Напрасная трата сил и времени.

Шли годы. Каждое утро для *него* было подобно оплеухе, полученной от жизни. *Он* просыпался, смотрел в потолок, думая: сегодня – точно. И снова перед глазами проходила киноплёнка с сотней и сотней вариантов, среди которых не было того, самого желанного. Бесчувственная рука монтажера вырезала главный кадр. Он был лишним и не вписывался в хронометраж.

Проходил день, выключался кинопроектор, плёнка заканчивалась и билась обрезанным хвостом о бобину. Еще один выторгованный у судьбы день.

Его кино всегда было черно-белым и немым. Фигуры двигались, размахивали руками, открывали рты. Все это действо перемежалось короткими вставками текста, который *он* даже не всегда успевал читать. Но каждый раз все повторялось, и очень скоро *он* выучил сценарий собственной жизни наизусть: утро, приносящее ожидание – вот-вот, еще немного; бессмысленный день в окружении черно-белых статистов; ночь, в которой нет даже снов, только гулкое забытье.

И когда в его безумном мире появилась рулетка, *он* даже не удивился. Вся его жизнь была такой же рулеткой, на которой *он* скакал точно стальной шарик, не зная, в какую ячейку упадет.

До сих пор ему везло, *он* всякий раз оказывался на «зеро», обнуляя запущенный счетчик.

Однажды *он* очнулся на больничной койке: избитый, перебинтованный, похожий на припорошенную снегом мумию. Это был вариант смерти номер семнадцать, не самый изящный и один из наиболее болезненных. Да, каждой нафантазированной смерти *он* давал номера, а за тридцать четыре года жизни запомнил каждый, мог без запинки перечислить их все.

Когда-то давно *он* решил, что принесет себя в жертву ради спасения семьи. Если тот, другой брат смог, значит, сможет и *он*.

Нужно было лишь дождаться, какая цифра выпадет на его рулетке, когда случится миновать «зеро».

Наши дни

Евгений

Евгений Краснов не знал, чем себя занять. Несколько раз он выглядывал в приемную, где из-за монитора торчала макушка его секретарши с рыжим ежиком волос. Слыша звук шагов босса, девушка поднимала от клавиатуры по-совиному круглые глаза и виновато пожимала плечиками, мол, пока никто не приходил и не звонил.

В такие моменты он ненавидел себя, считал неудачником, который пошел не тем путем. Сразу же вспоминались слова матери о том, что он совершенно не умеет вести бизнес, а тем более такой шаткий, как частный сыск.

– Что это вообще за профессия? – возмущалась женщина всякий раз, когда заходила речь о выборе сына. – Я бы поняла, если бы мы жили в веке девятнадцатом. Но ведь сегодня существует полиция, которая и занимается всеми этими расследованиями, погонями и слежками.

– Дорогая, – пытался встать на сторону сына папа, – в девятнадцатом веке тоже существовала полиция, и она исполняла те же самые функции, что и сегодня. Сыщики же используют другие методы в своей работе. Иногда не совсем законные.

– Витюша, ты так легко говоришь о том, что твой сын нарушает закон, и не видишь в этом ничего страшного?

– Нет, Галочка, я не вижу ничего страшного... Точнее, вижу, но не считаю таким ужасным. Галочка, скажи, что я должен ответить, и я соглашусь с тобой. – Папа сдавался, и тема постепенно сходила на нет.

Почему никто не понимает, что он сделал свой выбор и выбор это непоколебим. Ему уже тридцать два года и уж что-что, а принимать решения он может сам.

На сегодня была назначена очередная головомойка, сиречь семейный ужин.

Мысль о том, как бы избежать посиделок, заняла его еще на какое-то время, но, перебрав все возможные варианты, тщательно проанализировав их и отклонив как несостоятельные, Евгений понял, что выхода у него нет. Если сказаться больным, мама незамедлительно вызовет «Скорую» и сама примчится к нему с мешком медикаментов. Сядет возле его постели – в которую сама же его и загонит, – начнет причитать и охать о том, что родила такого слабенького ребенка. Надаёт советов и умчится, словно ураган, оставив сына совершенно разбитым и опустошенным. Придумать свидание с девушкой? Будет еще хуже. Уже несколько лет у мамы, которая вообще любила совать нос в жизнь сына, было маниакальное стремление «увидеть внуков». И все надежды в этом плане возлагались именно на Евгения, потому что сестра Катерина еще слишком мала. Девятнадцать лет по меркам мамы просто детский возраст.

Нет, уж лучше он перетерпит пару часов, зато потом будет свободен на целый месяц, до следующего рецидива родительской опеки.

Возможно, он эгоист и думает только о себе, но изменить себя Евгений не мог и не хотел. Одиночество всегда нравилось Краснову больше, нежели уютные вечера в кругу семьи. Его никогда не привлекали шумные уличные игры со сверстниками, в школе его считали изгоем, в институте просто ботаником и занудой. Он вообще тяжело сходилась с людьми. Не потому, что считал себя лучше или, наоборот, хуже других. Просто он был таким.

Это не доставляло молодому человеку никакого дискомфорта.

Если бы не мама.

Она принялась сама знакомить Евгения сначала с мальчишками во дворе, чем вызывала только насмешки с их стороны и желание со стороны самого Евгения спрятаться в свою раковину подальше ото всех. Потом наступила юность, и в дом одна за другой зачастили кандидатки на руку и сердце жениха. Евгения усаживали за стол в отглаженной рубашке с душащим галстуком и заставляли улыбаться. Это была настоящая пытка.

Когда из длинной вереницы «невест» ни одна не задела душевных струн «мальчика», мама всерьез испугалась за его предпочтения.

Проблема, как это часто бывает, разрешилась сама собой. Евгений неожиданно влюбился в рыжеволосую большеглазую Светлану. Их короткий роман ярко вспыхнул и стремительно угас.

Не было скандалов и взаимных упреков. Любовь плавно перетекла в нежную дружбу, а затем и в деловые отношения.

И только одна мысль не давала Евгению покоя: мама делает это не для него, а для себя. Она точно воплощала в жизнь рекомендации из учебника «Как стать хорошими родителями». Все ее действия носили механический характер, в них не было души. Его догадки подтвердились, как только молодой человек переступил порог совершеннолетия. Мать будто выдохнула и наконец, оставив его в покое, переключилась на сестру.

– Жень, к тебе посетитель. – Голос Светланы вывел Евгения из задумчивости. – Дама вроде при деньгах, но странная какая-то. Сказала, что изложит свою проблему тебе лично, анкету заполнять отказалась. Звать?

– Зови.

Краснов сразу понял, что имела в виду Света, когда назвала потенциальную клиентку странной. Несмотря на жару, женщина была одета во все черное, точно выдерживала траур. На голове была маленькая круглая шляпка, лицо скрывала черная вуаль.

Она не вошла, а внесла себя, цокая довольно высокими каблуками, на которых держалась безупречно. Натянутая струной спина, руки, затянутые в тонкие перчатки, идеальная укладка иссиня-черных волос с широкой серебристой полоской, небрежным штрихом улетающей от правого виска к затылку.

Настоящая вдовствующая императрица. Наверняка над внешностью посетительницы поработали стилисты.

Если бы Евгений был чуть более впечатлительным, то непременно бы вышел из-за стола и поцеловал даме ручку. И кажется, что она ждала этого от него. Но сыщик лишь поздоровался и указал на стул.

Даже не поднялся с места, когда она присаживалась.

Имя у клиентки было соответствующим. Елизавета Петровна.

Несколько бесконечных секунд женщина рассматривала кабинет Евгения, будто до сих пор решала, стоит ли ей иметь дело с этим детективом. И, оставшись удовлетворенной своей короткой ревизией, заговорила:

– Я хочу обратиться к вам с очень деликатной проблемой. – Голос у дамы был довольно приятным: низкий, с едва заметной хрипотцой, но не прокуренный. Говорила она немного грассируя, что дополняло ее образ высокородной особы. – Однако у меня будет просьба, которую вы обязаны исполнить, иначе сотрудничество невозможно.

Выгнать ее сразу Краснов не мог, все же существовали рамки приличия. Но и то, что

работать с данной особой не захочет уже он, было совершенно очевидно.

– Я весь внимание.

Дама на мгновение запнулась, но быстро взяла себя в руки и продолжила:

– Так вот, молодой человек, я готова прибегнуть к вашим услугам с одной оговоркой.

Пустяк, но для меня он важен.

Евгений стремительно терял терпение, но пока держался. Перед ним сидела типичная престарелая стерва, живущая за счет богатенького мужа или детей. Иметь дело с такими экземплярами в принципе можно, тем более что в последнее время дела у него шли не очень и деньги за заказ будут нелишними. Вот только все как-то наложилось одно на другое: ужин с мамой и безграничное высокомерие потенциальной клиентки. Настроение было испорчено.

Не успел он открыть рта, чтобы отказаться от выполнения каких бы то ни было условий, как дама его опередила:

– Я готова заплатить любые деньги, но не хотела бы раскрывать некоторых личных подробностей своей истории.

– Я не занимаюсь расследованием супружеских измен. На сайте имеется соответствующая информация. Мне очень жаль, но всего хорошего. Секретарь вас проводит.

Дама, явно не привыкшая к такому обращению, издала горлом клокочущий звук и даже подняла вуаль.

На Евгения смотрели глаза древней старухи, хотя лицо запросто могло принадлежать женщине «едва за пятьдесят». Евгений никогда не понимал стремления престарелых особ во что бы то ни стало удержать ускользающую молодость, превращая свое тело в плацдарм для испытания подчас сомнительных методов.

– Видимо, я ошиблась, принимая решение обратиться к вам за помощью. Но к моему большому сожалению, времени, чтобы искать другого специалиста, уже нет. Я, знаете ли, в определенном роде фаталистка и верю, что к некоторым людям и событиям нас приводит кто-то или что-то.

Тогда Евгений еще не понимал, что именно хотела сказать женщина, все его мысли были заняты предстоящим ужином, и он испытывал жгучее желание как можно скорее избавиться от назойливой посетительницы. Не знал он и того, что жизнь его, подчиненная определенным алгоритмам, никогда не дававшим сбоев, вдруг перевернется с ног на голову. Ему придется подвергнуть жесточайшим сомнениям многие свои убеждения и устои.

– И что же привело вас ко мне? – Евгений задавал вопросы на автомате, ему даже ответы не требовались. Но внутреннее чутье не позволяло прервать бесполезный диалог.

– Вы не слушали меня? Это главная проблема современной молодежи, вы постоянно витаєте в своих мыслях.

«Интересно, сколько ей на самом деле лет?» – подумал Евгений.

Он любил разгадывать тайны, а сидящая перед ним особа была женщиной загадочной. Он мысленно представил себе стандартную анкету при приеме на работу, где в каждой графе соискатель сообщает какие-либо сведения о себе. Так ему было проще составить портрет человека, с которым приходится иметь дело. И если обычно ему хватало нескольких минут общения, чтобы заполнить воображаемую анкету процентов на семьдесят, то теперь не удалось продвинуться и до тридцати.

– Почему же? Слушаю, но пока вы еще ничего толком не сообщили. Так что у вас за дело?

– Меня обокрали, – сказала и замолчала.

– И?

– Вы должны найти вора.

– Логично. Но почему я? Обратитесь в полицию.

– Это и есть тот деликатный момент, о котором я упоминала в самом начале нашей беседы. Полиция не поможет. Я готова платить, если вы не станете задавать лишних вопросов.

– Уважаемая Елизавета Петровна, – сказал Краснов, сладко улыбаясь, – вы занимаете мое рабочее время, а значит, и время моих клиентов. Если вам нечего рассказать по существу, я попрошу вас покинуть кабинет и поискать другого специалиста.

– Воровка – моя внучка.

Краснов не удивился. За время работы в полиции, откуда он и пришел в частный сыск, пришлось насмотреться и не на такое. А женщина побледнела и полезла в сумочку. Евгений решил, что сейчас она начнет разыгрывать перед ним спектакль. В сумке наверняка лежит пузырек с лекарством, которое она демонстративно примет, потом, возможно, схватится за сердце, симулируя приступ. А учитывая манеры и внешность дамочки, может и в обморок хлопнуться. Надо во что бы то ни стало не допустить, но не успел он собраться с мыслями, как женщина выложила на стол белый конверт.

Тощий и без надписей.

– Что это?

– Откройте и сами посмотрите.

Внутри оказались две фотографии. Одна ничем не примечательная, снятая на обычную мыльницу – качество изображения оставляло желать лучшего.

В объектив смотрела совсем молодая девушка, на вид не старше восемнадцати лет, отдаленно напоминающая сидевшую напротив Краснова женщину. Наверное, та самая внучка-воровка. Тот же пронзительный взгляд льдисто-серых глаз, поджатые губы и надменно поднятая голова.

Евгений отложил фото в сторону и взял вторую карточку.

Про себя он именно так и подумал – «карточка». Потемневшая от времени, с обтрепанными краями и широким заломом посередине, похожим на уродливый шрам. Он не сразу смог рассмотреть, что на ней изображено, а приглядевшись, понял, что это некая поделка, игрушка или сувенир из полупрозрачного материала. Стекло или что-то похожее.

– Янтарь.

Евгений вздрогнул и поднял глаза на даму.

– Это фигурка ангела. Она из янтаря, – повторила женщина, точно не была уверена, что ее услышали. – Я хочу ее вернуть.

– Вы хотите сказать, что обратились к частному детективу для того, чтобы он отыскал для вас какую-то безделушку? Может быть, проще купить новую? Мне кажется, я видел такую же в переходе.

– Вот именно, что кажется! – Дама разозлилась, сгребла со стола фотографии и сунула их обратно в конверт. – Мне нужен *только этот* ангел, и я готова заплатить... – Она взяла ручку и прямо на конверте вывела цифру. Длинным указательным пальцем придвинула конверт к Евгению. – Не смотрите на меня так, я не ошиблась и не впала в маразм. Найдете ангела, и эта сумма немедленно будет перечислена на любой указанный вами счет. Если нужен аванс, вы получите его в течение нескольких часов. Или предпочитаете наличные,

господин частный сыщик?

– Я не беру авансов за работу, которую не сделал. Но если вы мне не расскажете всего, что вам известно об этом деле, я с места не сдвинусь. А вам помогут покинуть помещение.

Женщина несколько мгновений сверлила его взглядом, и когда Евгений уже был готов отвести глаза, она вдруг выдохнула и сказала:

– Хорошо, я расскажу вам все как есть. Но пообещайте, что выслушаете до конца и не будете перебивать. А потом честно скажете, возьметесь за дело или же нет.

– Договорились, – кивнул Краснов. – Хотите чай или кофе?

– Некогда мне чаи распивать. Слушайте.

Когда рассказ был окончен, Евгений встал из-за стола и попросил даму уйти. Она не стала противиться и, вежливо попрощавшись, вышла из кабинета.

Вот только конверт свой забыла. Точнее, обронила, и теперь он лежал на полу возле стула.

Евгений решил, что ничего страшного не случилось. Хотел оставить конверт у секретарши, но тут позвонила сестра: «Ты помнишь про ужин?» (будто он мог забыть), и он машинально сунул его во внутренний карман пиджака.

Мама, как обычно, опоздала. Обычно она всегда являлась в тот момент, когда все гости уже собирались за столом. Всякий раз она смущенно улыбалась и придумывала какую-нибудь нелепую причину задержки.

В этот раз было иначе. Да, она опоздала, но даже не попыталась хоть как-то себя оправдать, а молча прошла на кухню, откуда Катя носила салаты, мясные и колбасные нарезки.

– Тебе помочь, доченька?

Евгений курил в открытую форточку и едва не поперхнулся дымом, когда услышал ее еле слышимый голосок.

Когда это мама стала такой нежной и заботливой? Сколько он себя помнил, в доме всегда царила обстановка строгости и существовала некая субординация: старшие приказывают, младшие подчиняются. Живи они лет на пятьдесят раньше, так Женя и Катюша обращались бы к родителям не иначе как на «вы». Никогда ни он, ни сестра не получали в подарок милых плюшевых медвежат или машинок с пультом управления. Все игрушки в доме были исключительно полезными, развивающими. Евгений считать научился едва ли не раньше, чем говорить. А Катя тайком бегала к подругам, чтобы поиграть в дочки-матери с настоящими куклами.

Звук бьющегося стекла прозвучал похоронным реквиемом по короткой семейной идиллии. Катерина выронила из мокрых рук чашку. Мамину любимую, привезенную из какой-то заграничной поездки.

Скандала было не избежать, и Катя, ссутулившись, чтобы казаться меньше и незаметнее, потрусилась за веником. Но случилось то, чего никто не ожидал.

Мама ухватила дочку за локоток. Плотные сжатые губы расплылись в самой доброжелательной улыбке.

– Это к счастью. Оставь, я сама уберу.

Сестра посмотрела сначала на маму, потом на Евгения, мол, ты тоже это слышал? Он кивнул и неуверенно улыбнулся, только сейчас понимая, что держит в руке сигарету, пепел с которой падает на пол.

У себя дома он мог курить где угодно, разбрасывать носки и оставлять рубашки на спинке стула. Но в родительской квартире царил идеальный порядок и совсем другие правила. Любая соринка подвергалась немедленному уничтожению, а того, кто принес ее в дом, ждал нагоняй.

Катя много раз просилась переехать жить к брату, но он, как закоренелый холостяк и по сути социопат, не желал пускать в свою берлогу ни одну женщину, пусть даже эта женщина его собственная сестра.

На звон разбитой посуды вышел папа с зажатой под мышкой газетой. Он не признавал почти никаких современных электронных устройств и новости предпочитал узнавать исключительно из прессы.

– Что за шум, а драки нет? – Шутки у папы оставались все такими же архаичными, как и его взгляды на жизнь. – Галочка, ты уже пришла? А я что-то задремал и пропустил, когда ты появилась.

– Витюша, иди в комнату, мы скоро к тебе присоединимся. – Мама снова улыбнулась, отчего папа едва не начал заикаться. Он понимал, что такое поведение не к добру, но спорить не стал.

– Мам, у тебя все хорошо? – не выдержал Евгений. – Может, тебе прилечь?

– Проявление любви и заботы к своим детям уже считается патологией? – Женщина всплеснула руками и сделала вид, что обижена, даже оскорблена.

– Ты прекрасно понимаешь, о чем я, – не поддавшись на ее провокацию, ответил Евгений.

– Ошибаешься, сын. Не понимаю. Почему я не могу сказать своим детям, что люблю их? Когда мы вообще последний раз собирались всей семьей, чтобы просто поговорить, узнать, как друг у друга дела?

– Две недели назад. Правда, тогда мы говорили в основном обо мне и о том, как плохо я планирую свою жизнь.

– Хватит быть язвой, Евгений! – Мама на миг стала прежней, но быстро вернула маску заботливой наседки. – Сегодня особенный день.

– И что в нем особенного?

– Не торопись. Давай сядем за стол, и я все расскажу. Все, идите, я пока соберу осколки. Евгению показалось, что голос матери дрогнул.

Или не показалось? Не слишком ли много сюрпризов для одного дня?

В любом случае выяснять этого он не хотел и вышел из кухни.

Странности начались сразу же. Мама, которая не переносила даже запах алкоголя, а во время рекламы пива по телевизору отворачивалась от экрана, торжественно водрузила на стол бутылку белого вина.

– Галочка, у нас кто-то умер? Или, наоборот, родился? – Папа сглотнул слюну и нетерпеливо заерзал на месте.

– Не юродствуй, Витюша, – почти ласково ответила мама. – Тебе все прекрасно известно, и я рада, что ты не проболтался детям раньше времени.

Папа не обиделся. Он слишком сильно любил свою жену и прощал ей любые выходки, капризы и даже оскорбления. Евгений не понимал этого, но интуитивно опасался брака, потому что боялся повторить модель поведения отца в семейной жизни.

– Дети, – мама встала и постучала вилкой по бутылке, – сегодня очень важный день, как для меня, так и для всей нашей семьи. Витюша, откупоривай бутылку, нечего сидеть с кислой

миной.

Пока отец ходил за штопором, потом возился с плотно сидящей пробкой, мама продолжала говорить, не обращая на него никакого внимания.

– Наш дом – это гнездо, где когда-то обитали всего две птицы. Но им было скучно жить вдвоем.

Отец отвлекся от бутылки и как-то странно посмотрел на маму, но она даже не заметила.

– И вот однажды в гнезде раздался новый крик, а точнее, детский плач, который оповестил о рождении... твоём рождении, сынок.

Евгений слушал вполуха, в голове у него закружились мысли, обрывки сегодняшнего разговора со странной дамой в вуали. Она тоже говорила что-то про детский плач, но детали разговора выветрились из головы молодого человека, как только за дамой закрылась дверь.

Рука сама потянулась к карману и нащупала конверт. Странное дело: он был теплым! Он нагрелся, как маленькая электрическая грелка.

– Сын, ты меня не слушаешь. – Мама не спрашивала, она констатировала факт. – Или уже радуешься тому, что меня не будет целых три года? Конечно, кому нужна обуза! Старики всегда будут обузой для молодых. Я понимаю тебя и не виню.

Рука отца с зажатой в ней бутылкой зависла над бокалом. У края горлышка появилась золотистая капля, в которой отразился солнечный луч, и капля заиграла всеми оттенками янтаря.

Конверт снова нагрелся, на этот раз даже сильнее.

Катерина подозрительно посмотрела на брата. Причем взгляд ее застыл на уровне кармана, где лежал конверт.

– Евгений! – Окрик мамы заставил его вздрогнуть. – Я хотела, чтобы мы хотя бы один раз провели время как нормальная семья. И ты снова превратил все в фарс. Неужели сложно было меня послушать? Я не так уж много прошу. Где ты постоянно витаешь? На твоей бесполезной работе попросили разыскать пропавшего кота? Видимо, для тебя это важнее, чем родная мать.

Мама взяла бокал с вином, осушила его одним махом и плюхнулась на стул.

– За вас, дети. А теперь давайте есть.

Отец украдкой толкнул Евгения в бок и заговорщицки подмигнул, выражая свою солидарность.

«Спасибо, батя», – произнес Евгений одними губами и потянулся к салату из креветок.

Смутная тревога поселилась в душе Евгения и не давала ему покоя.

С трудом дождавшись окончания ужина, он вышел на балкон.

Сентябрь еще не принес осенних холодов, серых долгих дождей, с которыми непременно приходила хандра, тоска по ушедшему лету. Большинство деревьев пока еще стояли зеленые, и можно было насладиться последними теплыми деньками.

Бесшумно подкралась Катя, словно кошка на мягких лапах. Она прижалась к брату, как делала это в детстве, когда ей нужна была поддержка и забота, которую она недополучила от родителей.

– Есть сигарета? – спросила она.

– А не рановато тебе курить?

– Ой, вот только не включай старшего брата. Надеюсь, ты не воспринял слова матери

всерьез? Если так, то вспомни, мне уже давно не шестнадцать.

– Ты о чем? – Мысли Краснова были где-то далеко, он никак не мог взять в толк, о чем ему пытается сказать Катерина.

– С ума сойти! – усмехнулась девушка и легонько толкнула его в бок. – Ты и в самом деле ничего не слышал? Научи меня этому трюку. А?

– На работе проблемы, не обращай внимания. Так о чем ты говорила? – Евгений достал пачку и протянул сестре.

– Не я, а мать. Завтра они с папаней улетают в Штаты, между прочим, на три года. Она получила какой-то гранд на свои исследования, хотела, чтобы мы с тобой за нее порадовались. Ты радовался?

– А почему именно в Штаты? – невпопад вставил Евгений.

– Мне откуда знать? Важно не это, а то, что маманя повесила заботу обо мне на тебя, братишка. Но не смогла удержаться от своего вечного ханжества и выразила беспокойство тем, что ты слишком беспутный и страшно оставлять дитяtko на такого шалопаю.

«Дитяtko» чиркнуло спичкой и раскурило сигарету, выпуская дым через нос.

– А ты что?

– Уверила ее, что мы присмотрим друг за другом и все будет отлично. Она, конечно, поважничала еще какое-то время, дала напутствия, но вроде как смирилась. Ты ведь знаешь, для нее физика – это все. Хорошо, что она не стала простой училкой в школе, а то не позавидовала бы я ее ученикам.

Неожиданно поднявшийся ледяной ветер прогнал их с балкона.

В квартире уже никого не было. Мать посчитала свой долг по опеке и воспитанию выполненным. Теперь наверняка потащила папаню к друзьям вызывать зависть у тех, «кому повезло меньше».

– Кать, я, наверное, пойду.

– А как же присматривать за сестренкой, менять ей подгузники и повязывать слюнявчик? – зашепелявила девушка, имитируя речь ребенка.

– Думаю, сестренка справится и без меня. Или нет?

– Справится, обязательно справится. – Катерина тут же изменила тактику поведения. – Можно вопрос?

– Валяй. – Краснов зашнуровывал ботинки, и Катя разговаривала с его макушкой.

– Что ты прячешь в кармане?

– С чего ты взяла, что я прячу что-то?

– Не пытайся меня обмануть, я вижу, если ты начинаешь юлить.

– Опять твои шаманские штучки? – Краснов выпрямился во весь свой почти двухметровый рост. – Не особо этим увлекайся.

– О да, я вижу, как колышется твоя аура, – зловещим голосом продекламировала девушка. – А если серьезно, то у тебя уши краснеют, когда ты не хочешь говорить правду.

– И давно ты знаешь об этой моей... гм... особенности?

– Не переводи тему. Что в кармане?

Пришлось показать.

Евгений протянул сестре обычный белый конверт.

Вот только Катерина не сразу взяла его, отдернув в последний момент пальцы, словно обожглась.

Фотография с девушкой ее совершенно не заинтересовала, и она лишь бросила на нее

мимолетный взгляд, после чего вернула брату. Зато выцветшая карточка, сделанная черт знает сколько лет назад, вызвала бурную реакцию.

– Я просто обязана показать *это* Магистру. – Катерина разве что не подпрыгивала от нетерпения. Руки ее заметно подрагивали, зрачки расширились. – Откуда она у тебя? Только не говори, что в тебе тоже проснулись гены прабабки.

– Я не ношу с собой колоду карт Таро и не рисую пентаграммы на кладбище, если ты об этом.

– Братик, я ведь не называю тебя мусорщиком, копающимся в чужом грязном белье. Вот и ты будь любезен уважать мой выбор, – оскорбилась она.

Катерина очень остро реагировала, если кто-то начинал сомневаться в нормальности ее увлечений.

Несколько лет назад она откопала на чердаке дома, доставшегося отцу в наследство, дневники старухи, которая приходилась им с Евгением прабабкой. Несколько тетрадей, исписанных убористым почерком, повествовали о жизни деревенской ведуньи. Были там обряды и ритуалы со странными, а порой и страшными названиями, как, например: «Десять чертей на десять дел из пекла вызвать да удерж над ними иметь».

По рассказам деревенских, умирала бабуля тяжело. Мужикам пришлось разбирать крышу, дабы соблюсти какой-то древний ритуал и отпустить черную душу несчастной.

Верить в это или нет, каждый решает сам.

Катерина поверила.

Более того, убедила себя в том, что дар от прабабки перешел именно к ней. Так ей внушил загадочный Магистр, с которым она познакомилась на одном из магических форумов – их теперь развелась тьма-тьмушая.

– Можешь оставить мне эту фотку до завтра? Ты ведь не собираешься ехать утром в аэропорт, чтобы помахать матери ручкой? – Катя уже забыла, что собиралась обижаться. И, не дожидаясь ответа, затараторила: – Я так и думала. Уверена, что родительница не расстроится. Кстати, ты не рассказал, откуда у тебя это фото.

Евгений и сам не заметил, как сестра стянула с него ветровку и усадила за столом на кухне.

– Ты же не отстанешь, пока не расскажу?

Щелчок вскипевшего чайника прозвучал как выстрел. Евгений и Катя синхронно вздрогнули.

Девушка разлила кипяток по чашкам и бросила в каждую заварочный пакетик.

– Ну и как тебе история?

– Ты точно ничего не выдумал? – недоверчиво переспросила Катерина.

– Я думал, что ты веришь во всю эту чертовщину.

– Подожди минутку, – вместо ответа бросила она и вышла из кухни, вернувшись через минуту со стопкой распечаток. Выбрала несколько листов и протянула брату: – Вот, почитай.

– Прямо сейчас? Я, если честно, спешу. – Краснову не нравился фанатичный блеск в глазах сестры. – Может, в другой раз?

– Возьми с собой, дома изучишь, – настаивала она. – И если ты не копался в моих вещах, а я знаю, что ты этого не делал, то все более чем странно. Можно мне еще раз взглянуть на второе фото?

Молодой человек достал снимок и, прежде чем передать сестре, задержался на нем

взглядом.

Внимание его привлекла надпись, которой он не заметил раньше. Похоже, кто-то окунул палец в красную краску и неровными печатными буквами вывел: «Ты не моя мама».

– Что означает надпись, я не знаю.

– Какая надпись? – переспросила Катерина, рассматривая изображение. – Здесь ничего нет.

– Ну вот же. – Евгений указал в то место, где секунду назад были буквы.

Надпись исчезла!

– Видимо, показалось. Заработался.

Катерина понимающе кивнула и вернула ему фотографию.

Елизавета Петровна

Она не любила яркого света, поэтому задергивала плотные шторы и часами просиживала в полумраке своей огромной пустой квартиры. Никому не нужная старуха. Кто-то считал, что она давно спятила, а некоторые и вовсе были уверены – умерла.

Иногда она сама начинала сомневаться в реальности собственного бытия.

Вдруг все, что происходило когда-то, просто дурной сон? Или у нее уже начался маразм? Если верить умным книжкам и телепередачам о здоровье, так в ее возрасте можно забыть и собственное имя. На восьмом десятке – пора. Вот только память ее еще пока не подводила. Она бы и рада забыть кое-что из своего прошлого, да вот не забывается.

Но если она все еще жива и относительно здорова, разве можно хоронить себя?

Нет. Елизавета Старостина еще покоптит грешное небо.

Не зря ей дан второй шанс.

– Елизавета Петровна, – белокурая девушка сняла манжету тонометра с ее руки, – в вашем возрасте вредно так волноваться. Давление зашкаливает.

– Во-первых, называй меня бабушка, я ведь просила. А во-вторых, в моем возрасте вредно абсолютно все и даже просто жить. Но поверь мне, дорогая, умирать очень не хочется.

Она опустила рукав черного платья и с нежностью посмотрела на внучку. Ей хотелось верить, что она все сделала правильно. У нее был выбор: прожить всю жизнь в одиночестве и сгнить в этой клетке либо...

А был ли выбор на самом деле? Пожалуй, она впервые над этим задумалась только теперь. И по всему выходило, что она ничего не решала. Вот тут и поверишь в судьбу, когда она так сведет пути-дороги, что впору только удивляться: от чего всегда убегал, само тебя находит. Она прожила всю жизнь с уверенностью, что *тогда* поступила правильно, не было у нее другого выхода. Так неужели ошиблась? Тот человек обещал, что поможет ей. И она поверила. Жить без веры – значит не жить вовсе.

Хватит с нее ошибок и неверных поступков. Слишком много она в своей жизни грешила. Может, на старости лет наконец-то обретет долгожданный покой.

Лишь бы не за чужой счет. Такого она себе не простит и даже на том свете будет каяться.

Лишь бы не за чужой счет. Такого она себе не простит.

– Елизавета... бабушка. – Девушка смущалась, слово давалось ей с трудом. Ничего, привыкнет. – Я очень переживаю за Аню. Боюсь, что она снова могла спутаться с дурной компанией. От нее уже неделю нет никаких вестей.

– Мариш, – морщинистая рука накрыла прохладную ладонь, – она обязательно найдется. Сегодня я была у одного человека, он обещал помочь.

– Ты ходила в полицию? – Марина дернулась, как от пощечины. – Я же просила не делать этого! Аня не преступница, просто у нее возраст такой... сложный.

– Ты тоже убегала из дома в семнадцать лет? Пойми, дорогая, нельзя оправдывать человека цифрами в паспорте. Возраст он вот здесь, – Елизавета Петровна постукала пальцем по виску. – И я не обращалась в полицию.

Марина, кажется, выдохнула с облегчением и даже попыталась улыбнуться.

– Спасибо, бабушка. Если я тебе сегодня не нужна, то я хотела бы прогуляться.

– Снова будешь ее искать? И не пытайся меня обмануть, я прожила слишком долго на

этом свете, чтобы не научиться распознавать ложь.

– Она моя сестра.

– И моя внучка. Не забывай об этом. Меньшее, что я могу сделать для вас, просто быть рядом.

– Мы ценим это, но...

– Что-то случилось? – Елизавета Петровна забеспокоилась, что Марина снова заговорит о том, что ей неудобно жить на чужой шее. – Если затянешь старую песню, я серьезно обижусь. Я, кажется, рассказывала, что от моей матери мне досталось неплохое наследство, которое получилось не просто сохранить, но и значительно приумножить.

– Но это неправильно. Я же работаю. Да, без высшего образования на хорошую должность претендовать пока не получается, поэтому...

– Именно поэтому ты восстановишься в институте и получишь диплом. – Елизавета Петровна чувствовала и свою вину. Она понимала: силы были не равны, и когда у нее забирали дочь, она ничего не могла сделать. Но легче от этого не становилось. – Я хочу заботиться о вас с сестрой.

– А тот человек, к которому ты обратилась, он точно поможет? – Марина пошла в деда, такая же упрямая и самостоятельная. Смотрит в глаза, взгляда не отводит.

– Обязательно поможет. Ступай по своим делам и будь осторожна. Уже поздно, скоро стемнеет.

Иногда приходится лгать, чтобы спастись. Сейчас ей нужно выиграть время, а потом она обязательно что-нибудь придумает.

Больше никто из ее семьи не будет страдать.

Она этого не допустит. Ей вдруг нестерпимо захотелось снова посмотреть на внучку. Елизавета Петровна отодвинула плотную штору и выглянула на улицу. Несмотря на возраст, зрение у нее до сих пор осталось острым, как у молодой девушки. Она видела, как Марина подняла голову, но выражение лица внучки было настороженным и немного раздраженным, поэтому она быстро задернула штору в надежде, что девушка не успела ее рассмотреть.

Оставшись одна, Елизавета Петровна задремала. Ей снилось всегда одно и то же: ее прошлая и такая далекая жизнь.

Юная Лиза Старостина наконец-то была счастлива. Она гордо шагала по улицам восстановленного практически из руин города и радовалась каждому прохожему, улыбалась, получая такую же светлую улыбку в ответ.

Советский народ – самый лучший народ во всем мире, она принимала это как догму, не подвергая даже малейшему сомнению. Теперь она дипломированный специалист, и перед ней открыт огромный мир, полный радужных перспектив, которые она непременно использует, чтобы трудиться на благо своей родины. Лиза снова и снова открывала диплом в благородной красной обложке, любовалась своими оценками и гордилась собой. Этот диплом был вознаграждением за ее трудолюбие и стремление к успеху.

Лиза не знала тягот войны, но, слушая рассказы мамы, она в своем воображении создавала яркие картинки. Это будто бы и не мама, а она сама была там, тащила под аккомпанемент стрельбы и разрывающихся снарядов раненых бойцов, веря, что делает большое дело.

Лиза любила слушать маму. И не сразу заметила, когда та стала заговариваться, повторять одно и то же по многу раз. Мама надолго замолкала, а потом вдруг принималась

говорить без остановки, почти не делая пауз.

Несомненно, ее мама – настоящая героиня, о которых пишут книги и снимают фильмы. Именно поэтому государство теперь заботится о ней, содержит в хороших условиях, обеспечивает самое эффективное лечение. И мама обязательно поправится, больше не станет рассказывать страшные истории, которые она придумала. Современная медицина шагнула далеко вперед. Лиза Старостина, как молодой терапевт, знала об этом не понаслышке.

Теперь она ждала распределения. Втайне девушка мечтала попасть в какой-нибудь захудалый регион, где ее присутствие будет нужнее всего. Только дураки хотят отправиться в Москву, Санкт-Петербург и прочие крупные города. Там и без них все давно налажено. Куда интереснее решать сложные задачи, противостоять трудностям и лишениям.

Романтический настрой Лизы возносил ее к самым облакам. А как гласит известная поговорка: чем выше взлетишь, тем больше падать. Вот и ей предстояло упасть. Но в тот солнечный летний день она верила в светлое будущее и не думала ни о чем плохом.

Кто-то скажет, что Лизе повезло. Ее оставили работать в родном городе. Она попала в интернатуру к доктору Соломатину, о котором не только внутри больницы, но и далеко за ее пределами слагали легенды. Все девушки сходили по нему с ума, но ни одна не удостоилась его внимания.

Лиза стала исключением.

Она не воспринимала его как мужчину. Для нее он был маяком в непроглядной тьме, скрывавшей дорогу к заветной, самой желанной цели. Она стремилась стать на него похожей, она хотела повторить его блестящую карьеру. Не каждый в его возрасте добился таких высот. Ему едва за тридцать, а он руководитель целого отделения и на хорошем счету у начальства.

Лиза ловила каждое слово из его уст, запоминала и пыталась копировать его манеру речи, его поведение с больными. В конце концов слепое обожание учителя превратилось в банальную девичью влюбленность.

Куда-то сразу ушло стремление вырасти в медицинской среде, стать высококлассным специалистом и помогать людям. Кому она может помогать, если не способна справиться с собственными чувствами? Владимир Соломатин очень быстро заметил изменения в поведении девушки. Вовсе не потому, что выделял ее из прочих: каждый интерн в его отделении был для него открытой книгой. Просто тихая, серая мышка Лиза всегда казалась иной. Она не ходила на шумные вечеринки в честь дня рождения коллег, обходясь скупыми поздравлениями именинников; не старалась сблизиться со своим руководителем и не забрасывала его любовными записками, думая, что ее не рассекретят. Внутри отделения Соломатин знал все обо всех. И даже то, какие чувства и эмоции вызывает у собственных подопечных.

– Лиза, что-то случилось? – спросил он как-то, столкнувшись с ней в больничном коридоре. – Что-то с мамой?

Об этом он тоже знал. Корпус психиатрии находился в отдалении от основных корпусов больницы, рядом с онкологическим отделением, и вход туда интернам был заказан. Их вотчина – терапия. Дальше – ни шагу.

– Нет, Владимир Алексеевич, с мамой все хорошо, спасибо.

– Тогда, может, у тебя что-то болит?

Она хотела сказать, что – да, душа у нее болит, только лекарства от ее болезни не изобрели да и существование самой души не доказано. Как медик, Лиза никогда, даже в

мыслях не говорила о любви как о трепете сердца. Сердце она видела на уроках анатомии, оно не может любить, а только качать кровь.

– Пойдем-ка со мной, – не спрашивая, а точно приказывая, сказал он, и Лиза пошла, даже не думая возражать.

В кабинете Соломатин предложил девушке присесть, а сам прошел в смежную комнату, которая использовалась для стерилизации и хранения инструментов.

Лиза слышала металлический звон, словно доктор искал нужный для работы прибор. Но она ошиблась. Вернулся он с бутылкой коньяка и двумя гранеными стаканами.

– Извини, Лизавета, другой посуды у меня нет. Но ты ведь не брезгливая?

Не дожидаясь ее согласия, Соломатин разлил спиртное по стаканам и один протянул ей. Она машинально взяла его, но пить не спешила. До этого дня она никогда не пробовала ничего крепче кваса из уличных бочек. А тут сразу коньяк.

– Интерн Старостина, у вас рука болит?

– Н-нет. – От волнения Лиза начала заикаться. – Почему вы так решили?

– Так вы стакан держите, будто не можете до рта донести. Вот я и подумал.

Его усталое, покрытое трехдневной щетиной лицо осветила широкая улыбка. Лиза, сразу позабыв о своих страхах и сомнениях, одним глотком опрокинула в себя янтарную жидкость.

В тот же миг она дала себе обещание, что больше никогда не будет пить. Горло, а затем и пищевод обожгло огнем. Из глаз брызнули слезы, а несчастный стакан выпал из руки и покатился по плиточному полу с громким стуком.

Она закашлялась, прикрыв рот ладошкой, и с трудом сдержала рвотный позыв.

– Вы как в первый раз, честное слово, – пожурил ее руководитель. – Нате вот, закусите.

Не глядя Лиза взяла угощение, сунула в рот и чуть не разревелась.

Соломатин, видимо, решил пошутить и дал ей в качестве закуски дольку лимона.

– На самом деле, что ли, в первый раз выпиваете? Почему раньше не сказали?

Лизе было стыдно и приятно одновременно. Сам Соломатин о ней заботится. Почему она приняла его слова за заботу, Лиза и сама бы теперь не ответила. Тошнота понемногу прошла, по телу разлилось приятное тепло. Мысли стали вязкими и липкими, захотелось спать.

– Э, как вас развезло, голубушка. Ну ничего, посидите немного, скоро пройдет.

– Я вас люблю, – неожиданно даже для себя выдала Лиза и икнула.

– Знаю. Меня все интерны любят. Вот только не пойму за что, ведь я настоящий тиран. Эй, Старостина, а ну не спать.

Сильные руки обняли ее за плечи, разбудив новую волну жара в теле. Но это была другая волна, не та, что вызвана алкоголем. Лиза еще не знала, что так ее женский организм реагирует на близость мужчины.

– Ничего вы не знаете! – обиделась Лиза. – Я по-настоящему люблю, не как все остальные.

– А как это по-настоящему?

Его глаза смеялись, но губы оставались серьезными. Лиза боролась с собой, но в итоге сдалась.

Она потянулась и поцеловала этого взрослого, притягательного мужчину.

Мир взорвался тысячей осколков и потонул в крошечной тьме.

...В себя Лиза пришла на больничной койке. В палате было темно, и она находилась в ней совершенно одна. Так ей показалось вначале.

Когда глаза привыкли к темноте, рядом с собой она увидела Соломатина. Он смотрел на нее пристально, почти не моргая. Лиза хотела извиниться за свое поведение. Не успела. Горячие губы накрыли ее рот, и яркая вспышка снова заставила мир исчезнуть.

Уже через неделю ее перевели в другое отделение. Кто из сотрудников сдал их с Соломатиным, так и осталось загадкой. Хотели уволить, только он не позволил. Сказал, что девушка не должна страдать из-за чужих слабостей. Пригрозил, что уйдет вслед за ней, а потерять специалиста его уровня приравнялось к катастрофе.

Скандал был грандиозным. Лизу пришлось прятать в психиатрическом корпусе, куда простым смертным вход был категорически запрещен. Жена Соломатина кричала, грозилась уничтожить соперницу и написать на нее донос, как на женщину, разрушившую советскую семью.

Только через три месяца Лиза смогла спокойно выходить из дома, не озираясь по сторонам, и не вздрагивать от каждого звонка в дверь.

Казалось бы, все устаканилось и можно продолжать жить, но у Лизы начались приступы тошноты и головокружения, которые она сначала списала на переутомление, даже попросила два дня отгула.

Ситуация не изменилась.

Вскоре выяснилось, что она беременна. Узнав правду, девушка очень испугалась. Как она будет рожать без мужа? Да и о каком ребенке может идти речь, когда она сама не встала на ноги, а мама до сих пор находится на лечении.

Всеми правдами и неправдами Лиза уговорила заведующего психиатрическим корпусом пустить ее ненадолго в палату к матери.

– Уверена, что хочешь этого? Она сейчас несколько не в форме, – пытался отговорить девушку заведующий.

– Абсолютно. Она же моя мама.

– Ты медик, Старостина, и должна понимать некоторые вещи. Не каждую болезнь можно вылечить. Я все устрою, только под твою ответственность. Поняла?

Лиза кивала, хотя и не понимала, чего страшного могло произойти с мамой под наблюдением врачей.

Когда ее провели в палату, дополнительных объяснений не потребовалось.

С тех самых пор, как мама попала сюда, Лиза ни разу ее не навещала. Нельзя было.

И теперь в лежащей на казенной койке женщине она с трудом узнала свою мать. Правда, женщиной ее тоже можно было назвать едва ли – скелет, обтянутый кожей, с абсолютно седыми волосами, в беспорядке рассыпанными по подушке. Маму зачем-то пристегнули к койке широкими ремнями. Неужели боялись, что она может встать и уйти? В таком-то состоянии! В палате стоял тяжелый запах испражнений, захотелось открыть настежь окно, но оно было забрано тяжелой решеткой, а механизм, отпирающий створки, спилен. В таких условиях совершенно невозможно выздороветь.

Лиза посмотрела на заведующего, тот кивнул: мол, можешь к ней подойти. Сам он скрылся за дверью, предупредив, что вернется через десять минут.

– Мамочка, – осторожно позвала Лиза, – ты слышишь меня?

Она сделала несколько шагов и остановилась, прислушавшись.

– Мама, это я – Лиза.

– Ты снова пришел меня мучить? Уходи, прошу тебя.

Девушка бросилась к койке и упала на колени.

– Кто тебя мучает? Мамочка, скажи мне.

– Он. Стоит у тебя за спиной и смотрит.

Лиза резко обернулась, но никого не увидела.

– Здесь никого нет. – Она погладила женщину по голове. – Мы тут одни. А заведующий за дверью.

– За твоей спиной. Стоит и улыбается. Я его боюсь, – отрывисто повторила мама.

Лизе стало страшно. Она никогда не видела мать в таком состоянии. Когда ее забирали на лечение, женщина говорила о каких-то спрятанных драгоценностях, которые не успела продать. И постоянно повторяла, что боится *его*.

– Лиза? – Взгляд матери вдруг стал почти осмысленным. – Доченька, он не тронет тебя! Я не позволю. Забери мои драгоценности, там много.

– Мама! Нет никаких драгоценностей! – разозлилась Лиза. – Мы живем в коммунальной квартире. А если бы и были, ты обязана сдать их в соответствующие органы.

Взгляд матери заволокло туманом. Уголки губ задрожали, по щекам потекли слезы. Она дернулась, но тугие ремни не позволили шевелиться.

– Уходи! – Крик раздался неожиданно.

Лиза, испугавшись, отскочила в сторону. В палату забежал доктор, схватил пациентку за подбородок, покрутил голову из стороны в сторону и велел Лизе бежать за медсестрой.

– Скажите, чтобы он не брал мою дочь за руку!

Лиза не хотела слушать, как бредит мама. Последнее, что она увидела, прежде чем выбежать из палаты, как иссушенное болезнью тело сотрясается в эпилептическом припадке. Она бежала по длинному коридору, пока не оказалась у поста медсестры. Там она передала слова заведующего и выскочила на свежий воздух.

Сердце колотилось так, что, казалось, вот-вот выскочит из груди.

Лиза почувствовала, как ее покидают последние силы, и она осела на землю.

В нос ударил резкий запах нашатыря, а потом знакомый и такой родной голос прошептал:

– Я с тобой, ничего не бойся.

И где-то на задворках угасающего сознания затихал детский плач.

1939 год

Анфиса

– Зой, я решилась. Завтра я уйду от Сережи.

Анфиса замолчала, ожидая реакции подруги. Вот только Зоя не спешила говорить. Она медленно затянулась сигаретой, прищурилась, точно довольная кошка и слегка запрокинув голову, выпустила в потолок облачко сизого дыма.

Когда пауза слишком затянулась, напряжение стало невыносимым. Нужно было как-то разрядить наэлектризованную атмосферу, Анфиса не выдержала, ее вдруг прорвало. Словно разбухшая грозная туча, она метала громы и молнии, и когда наконец пролился ливень из выкриков, жалоб и слез, пришло облегчение.

С Сергеем они прожили вместе почти семь лет, она подарила ему лучшие годы своей жизни, как бы пошло это ни звучало. Но полюбить этого доброго, интеллигентного и во всех смыслах положительного мужчину так и не смогла.

А ведь старалась.

Никто не сможет упрекнуть Анфису в том, что она просто плыла по течению, ничего не предпринимая. Каждое утро, просыпаясь, она смотрела на супруга и выискивала хоть что-то, что могло вызвать в ней тот благоговейный трепет, о котором пишут в книгах и показывают в кино. Вечером, принимая его осторожные ухаживания, когда он, точно боясь причинить ей невольную боль, ласкал тело Анфисы, молодая женщина не чувствовала никакого отклика. И мечтала лишь об одном – чтобы это скорее закончилось.

Спустя время Анфиса начала находить утешение в том, что Сергей все реже требовал от нее исполнения супружеского долга. Если к этому мягкотелому существу вообще применимо слово «требовать». Она даже научилась винить себя в происходящем, а в медицинском справочнике нашлось объяснение ее холодности, заключенное в колючее слово – фригидность.

Вскоре они с Сергеем и вовсе разошлись по разным спальням, и тогда Анфиса окончательно смирилась со своей судьбой.

Зоя посмотрела на Анфису так, будто впервые увидела, и сказала:

– Знаешь что, дорогая моя, можно винить кого угодно в том, что жизнь не удалась: себя, мужа, да хоть черта лысого, но от этого ничего не изменится. Принимай все как есть, в противном случае не стоило затевать эту игру в семью.

Анфиса проглотила заготовленный ответ, потому что не ожидала подобных слов от подруги. Ей показалось, что Зоя прямо сейчас предала ее.

– А что ты на меня так смотришь? Мужик перед тобой тряпкой стелется, а ты строишь из себя не бог весть что.

– Зой, может, тебе больше не пить сегодня? – робко предложила Анфиса.

– Ты ко мне в рюмку не заглядывай, – фыркнула Зоя и показательно опрокинула в себя стопку водки. – На свои пью, честно заработанные. А ты, подружка родная, живешь на всем готовом и еще морду воротить.

– Да что с тобой происходит? Какая муха тебя укусила?

– Есть такая муха, Анфиска Старостина зовут. Длинная, тощая и белобрысая. Ошиблась она, в мед попала, а думает, что в дерьмо, вот и жужжит теперь, лапками

упирается.

Анфиса залилась краской. Во всем подруга была права. Умом она все понимала, сердце твердило иное.

– Я не люблю его, Зой. И, кажется, не любила никогда.

– Какое отношение имеет любовь к браку? И кто вообще привил тебе эти пошлые мысли? Вроде в нормальной семье родилась, мама с папой учеными были, а дочурка в софистику ударилась.

– Решение принято, – упрямо гнула свою линию Анфиса. – Сережа рано утром уедет на конференцию, и у меня будет достаточно времени, чтобы собрать вещи.

– Хорошо, – кивнула Зоя, – на что ты будешь жить? И где? Если память мне не изменяет, родительской квартиры давно нет, и ты жила все эти годы с Сергеем. Куда ты пойдешь?

– Я кое-что скопила. – Щеки Анфисы вновь зарумянились. Мысли Зои, все до единой, можно было легко прочитать на ее лице. Было ясно, что она осуждает Анфису теперь и за это. Ведь Сергей запретил супруге работать с самого первого дня и никогда даже полунамеком не попрекнул тем, что она сидит на его шее.

Зоя подозвала официанта и попросила принести бутылку шампанского. Пока тот убежал выполнять заказ, она перегнулась через стол и, посмотрев Анфисе в глаза, выдала:

– Будем пить за твой провал. Или ты уверена, что всегда сможешь вернуться к брошенному мужу, а он будет сидеть и тебя дожидаться? Да месяца не пройдет, как его охомукает новая вертихвостка. Не куксись, – махнула рукой Зоя, видя реакцию Анфисы. – Кто тебе еще правду скажет, если не лучшая подруга? То-то же.

Пили молча. Анфиса боялась, что Зоя все-таки сможет сбить ее уверенность, и тогда она даст слабину, останется, не уйдет сейчас, когда обстоятельства складываются как нельзя лучше. Сможет ли она повторить свой подвиг в будущем? Анфиса не могла дать ответа на этот вопрос. И поэтому попыталась перевести разговор в новое русло.

– Зой, как твои дела? Мы весь вечер только и говорим, что обо мне.

Молодая женщина поперхнулась шампанским и несколько раз постучала себя в грудь кулачком. Справившись с кашлем, она бросила на подругу затравленный взгляд, сделавшись похожей на оцетинившегося волчонка.

– За те два года, что я живу в бараке, ничего нового не произошло. Все тот же земляной пол, та же продавленная кровать со скрипящими пружинами и стены, которые вместо обоев покрыты грибком и плесенью. Продолжать?

– Зой, да ты что?

– Я что? Это я что! – Она так резко поставила на стол бокал, что хрупкая хрустальная ножка не выдержала и с мелодичным звоном подломилась. На белоснежную скатерть упали алые капли.

Анфиса не сразу поняла, что это кровь. А когда поняла, испугалась, бросилась помогать подруге.

– Не надо, – остановила ее Зоя. – Я тебя, Анфиска, ненавижу! Не думала, что ты такой паскудой окажешься и с жиру беситься станешь. Когда моего отца в тридцать седьмом уводили, я тоже не думала, что враз все потеряю. Мы с мамой тогда ждали, что он вернется, мало ли, ошибка какая, должны были разобраться. Он ведь простым редактором в заштатной газетенке служил. Ну, в чем там можно обвинить? А вот поди ж ты, приехали, забрали в чем был и увезли.

Зоя потянулась к бутылке, глотнула прямо из горла. Снова закашлялась, шампанское полилось у нее из носа, сделав довольно симпатичное лицо молодой женщины почти отвратительным.

Немногочисленные гости ресторана смотрели на распутную девицу кто с осуждением, кто с сочувствием.

– Мама через две недели повесилась, – горько усмехнулась Зоя и попыталась зажечь сигарету. Но та намокла и никак не хотела раскуриваться. Тогда Зоя скомкала ее в руке и высыпала на стол желтые хлопья табака. – Вот все, что осталось от моего бывшего благополучия. После маминых похорон меня выкинули из нашей квартиры, как собачонку. Я три дня бродила по городу, как во сне, а потом поняла, что помощи мне ждать неоткуда и надо начинать шевелить лапками. Первым делом пошла к бывшему папиному начальнику, думала, не оставит сиротку в беде, поможет. Попросила работу, хоть какую: курьером, уборщицей. И знаешь, что он мне на это ответил?

Анфиса знала, потому как слышала эту историю много раз, но все же отрицательно качнула головой. Подруге нужно было высказаться.

– У меня нет для вас вакансии, гражданочка. Он так и сказал – гражданочка. Сделал вид, что мы вовсе не знакомы. А ведь сам меня на коленях держал, когда маленькая была, а когда подросла, все норовил под юбку залезть! Козел старый! – Зоя ударила кулаком по столу. Обвела мутным взглядом зал и вдруг рассмеялась пьяным смехом. – Посмотри на эти лоснящиеся рожи, Анфиска. Они не знают, что такое голод и страх за свою шкуру. И им плевать, что по улицам бродяжничают такие, как я. Вам же на всех плевать! – Зоя поднялась на ноги и, покачиваясь, направилась к ближайшему столу, где обедала респектабельная пожилая пара.

Анфиса поспешила ее остановить, но опоздала. Зоя успела взять с чужого стола бокал с вином и вылила его на блестящую лысину мужчины. Его спутница тонко взвизгнула и закричала: «Помогите!» Зойку в два счета скрутил подоспевший бугай и волоком потащил к выходу.

Дальнейшее Анфиса помнила смутно. Если бы она верила в Бога, то списала бы все на помощь ангела-хранителя. Мужчина за столиком не выдвинул никаких претензий, хотя его спутница кудахтала, точно рассерженная курица, и требовала, чтобы вызвали милицию. Оплатив счет, Анфиса вышла из ресторана с таким чувством, будто за минуту до казни ее внезапно помиловали и она, не чуя ног, покидает эшафот. И только в такси кое-что прояснилось.

– Это тот самый козел, который не взял меня на работу, – заплетаящимся языком с трудом выговорила Зойка и отключилась, уронив голову Анфисе на плечо.

Анфиса не сразу, но поняла, о ком идет речь. А она еще удивлялась, почему мужик не потребовал компенсации и не заявил в милицию. И даже незаметно сунул что-то в руку вышибале, видимо, чтобы тот не болтал лишнего.

Никогда ранее Анфиса не бывала в той части города, где жила Зоя. Маленькие, покосившиеся, словно уставшие от своего бессмысленного существования домики смотрели на нее пустыми глазницами окон, местами выбитых и заколоченных фанерой и завешанных старыми одеялами. Ее сразу же напугала гнетущая тишина, царившая вокруг. Может, водитель ошибся и привез пассажиров в заброшенную часть города? Но судя по тому, как уверенно зашагала Зоя к одному из строений, которое как две капли воды было похоже на все остальные постройки, ошибки не было.

Даже погода в этой части города была совершенно иной. Когда они выходили из ресторана, светило яркое июньское солнце, а здесь на небе уже сгустились тяжелые свинцовые тучи, точно жаркий летний полдень обернулся осенним вечером.

К Зойкиному бараку темной громадиной подступал лес, словно мифическое чудовище, которое все ближе подбирается к крошечным домикам, чтобы когда-нибудь поглотить их вместе с жильцами. Зловещую тишину нарушал лишь скрип многолетних сосен, больше похожий на зубовой скрежет монстра.

Звук открывающейся калитки потонул в вязкой тишине. Но уже в следующее мгновение мертвый покой нарушил звонкий лай и голос Зойки:

– Пошел вон, псина облезлая. Нюрка, овца, забери свою шавку, пока я ее не придушила.

Последовал глухой удар и обиженный визг.

– Ну, а ты чего встала? – Зоя с трудом сфокусировала взгляд на мнущейся в стороне Анфисе. – Зайдешь на чашку чая? Правда, чая у меня сегодня нет, только кипяток. И то если газ не закончился.

Анфиса испугалась, что если сейчас зайдет, то останется в этом жутком месте навсегда. Она посмотрела на Зойку так, будто за все просила прощения, потом кинула взгляд на машину, которая привезла их сюда. Решение пришло мгновенно.

– Правильно! – выкрикнула ей вслед Зойка. – Вали отсюда и подумай, стоит ли уходить от мужика, который тебя как королеву обхаживает. Ты привыкла только о себе думать. А о нем ты подумала?

Закрыв уши руками, Анфиса почти бежала к автомобилю, который призывно урчал мотором. Ей казалось, что вся ее одежда, волосы и даже кожа пропитались запахом безысходности, которым был отравлен zdeшний воздух. Она дала себе обещание, что больше никогда не станет встречаться с Зоей. Их миры давно не соприкасаются. Школьные, а затем институтские времена, когда они были неразлучными подругами, давно прошли.

Анфиса вдруг осознала, что дружила с Зоей по инерции, по сложившейся привычке. Точно так же она была и с Сергеем все эти годы.

И вся ее жизнь до сих пор была – по привычке.

Это неправильно.

Нужно взять себя в руки и огромным усилием воли вычеркнуть прошлое из памяти, никогда даже мыслями не возвращаться к нему и начать жить с чистого листа.

Анфиса была уверена, что так будет лучше для всех.

Бежать не только от дома Зои, но и от Сергея, сейчас, немедленно, – эта мысль пронзила мозг острой иглой.

Вернуться в квартиру за вещами, где все напомнит ей о прошлой жизни, которая еще утром была настоящей, значило – сдаться. Она не сможет перебороть себя, даст слабину, проявит жалость и останется. На год, два, десять... навсегда.

Мысли работали быстро.

Водитель без возражений повез ее по указанному адресу.

В камере хранения на вокзале лежали драгоценности, которые дарил муж. Это даже не воровство, она просто забрала свое. Этого хватит Анфисе надолго, возможно, и на всю оставшуюся жизнь.

Но самая главная вещь находилась в сумочке. Сергей купил вещицу на каком-то аукционе и вывалил за нее, по меркам Анфисы, целое состояние. Если **это** удастся продать, можно

выручить очень неплохие деньги, пусть и меньшие, чем отдал Сережа, но ей все равно будет достаточно. Она сумеет жить экономно, несмотря на то что за годы замужества привыкла ни в чем себе не отказывать.

Анфисе вдруг нестерпимо захотелось увидеть **Его**. Вряд ли водитель разбирается в антиквариате, поэтому она, не таясь, вытащила янтарного ангелочка. Поделка ничем не примечательная, но с ней была связана какая-то история, которую Анфиса не запомнила. Ее интересовало только, какую цену можно за него выручить.

Янтарь Анфиса не любила и никогда не считала его хоть сколько-нибудь ценным. Подумаешь, застывшая тысячелетняя смола. Особенно ее удивляли, а порой смешили безумцы, что радовались, словно дети, находя внутри окаменелости муху или жука.

Она улыбнулась, представив свое будущее, а перед глазами почему-то поплыл туман. Слезы текли сами собой, никак не желая останавливаться. Анфисе показалось, что ангелочек начал светиться слабым желтоватым сиянием и слегка нагрелся.

Она моргнула несколько раз, и сияние исчезло, а в следующее мгновение раздался громкий скрежет.

Грудь пронзила острая боль, и наступила темнота. Последнее, что Анфиса помнила, – непрекращающийся звук клаксона, разрывающий барабанные перепонки.

На город уже опустились ранние осенние сумерки, когда Марина вышла из бабушкиного дома и зашагала в сторону автобусной остановки. Не нужно было засиживаться, теперь придется возвращаться по темноте.

Марина боялась темноты с детства. Обычно с возрастом это проходит, а у нее не прошло. Пока Анюта не сбежала, не было так страшно по вечерам. А теперь она старалась всегда вернуться домой засветло, включала свет во всех комнатах и даже в ванной, чтобы разогнать зловещие тени, прячущиеся по углам. Умом девушка понимала, что ее страх абсолютно иррационален: нет никаких чудовищ под кроватями, да только любые логические доводы бессильны перед эмоциями.

Всего на мгновение она остановилась, обернулась и нашла взглядом окно старухи: третий этаж, сразу над серыми гранитными пилястрами. Единственная квартира, где не горел свет. Девушка успела заметить, как колыхнулась плотная штора. Неужели старуха за ней следит?

Марина достала мобильный в надежде увидеть пропущенный звонок от Ани и горестно вздохнула: ей никто не звонил.

– Где же ты, сестренка? – глядя на молчавшую трубку, пробормотала Марина и шагнула на проезжую часть.

Слепящий свет фар и визг тормозов вырвали из горла невольный крик. Марина почувствовала несильный удар в бедро и все же, не удержавшись на ногах, рухнула на асфальт.

Кажется, она потеряла сознание. Совсем ненадолго, потому что едва успела провалиться в крошечную темноту, как по глазам резанул яркий свет. Щурясь и пытаясь закрыться рукой от этого света, Марина сидела на холодном асфальте, чувствуя, как одежда впитывает ледяную воду. Она угодила прямоком в лужу.

Второй рукой девушка шарила вокруг себя, пытаясь отыскать мобильный, выпавший при ударе.

– Да выключите вы, наконец, фары!

Марина силилась рассмотреть того, кто ее сбил. Безуспешно. На нее двигался черный силуэт. Мужчина – высокий, плечистый. Ее решили добить? Так просто она не сдастся. Марина попыталась подняться, но тут же пожалела. В ушах стоял гул, голова кружилась, и немного тошнило. И сквозь этот гул до нее, как сквозь вату, пробивался мужской голос:

– Я вас не заметил. Зачем вообще было выбегать на дорогу, там же горел красный!

– И я вас не заметила, – огрызнулась Марина, все еще прикрывая глаза. – Мы теперь будем спорить: кто виноват? Вы меня сбили, значит, вам и отвечать.

Вместо того чтобы извиниться, он еще пытается переложить ответственность на нее.

– Там горел запрещающий сигнал, – голос был уже не таким уверенным. – Сможете встать? Давайте я помогу.

У самого Маринино лица оказались кожаные туфли, начищенные до зеркального блеска. Туфли немного потоптались на месте, а потом ее подняли, как пушинку, и поставили на ноги. Вот только ноги не слушались, колени дрожали и подгибались. Она уже была готова

упасть, когда сильные руки крепко обняли ее и прижали к могучей груди. В нос ударил аромат мужского парфюма, что-то легкое цитрусовое, похожее на мандарин с едва заметными древесными нотками и ускользающим запахом моря. Не к месту вспомнилось, что Марина очень давно не была в отпуске. Сначала заболела мама, потом на ее попечении осталась младшая сестра. Как-то не до отдыха было.

– Отпустите меня. – Марина извивалась, стараясь выбраться из стальных объятий. Не хватало еще, чтобы ее лапал посреди улицы незнакомец, который только что едва ее не угробил.

– Хотите еще немного полежать?

Сначала пытается задавить, теперь еще и издевается.

– Вас это не касается. Где мой телефон? – Марина хлопала себя по карманам.

Наглый верзила наконец-то подошел к машине, открыл дверцу и выключил фары. Теперь Марина могла его рассмотреть.

Он был красив какой-то варварской красотой. Лицо чуть грубоватое, с сизой трехдневной щетиной, крупный прямой нос, надменный излом губ. Сразу видно, что обладатель такой внешности привык к женскому вниманию и наверняка вокруг него стайками вьются юные дурочки. Но Марина давно уже вышла из того возраста, когда тянет на «плохих парней». На нее его чары не подействуют. Вот только почему рядом с этим верзилой она чувствует себя замарашкой в своем дешевом, испачканном грязью плащике? И что он пытается ей всучить? Марина словно со стороны наблюдала за попытками мужчины вложить что-то в ее руку. Она сопротивлялась, вяло, но сопротивлялась. Пока он наконец не рявкнул:

– Я спрашиваю: это ваш аппарат?

Аппарат, как выразился этот нахал, принадлежал Марине. И она очень обрадовалась, что сотовый не разбился, – экран призывно светился. Да уж, телефон у нее старенький, потасканный, а чтобы купить новый – денег нет. И вообще, она не обязана ни перед кем в этом отчитываться.

– Мне без разницы, какой у вас телефон.

Она что, сказала все это вслух? Пустяки.

Девушка схватила трубку и сунула ее в карман.

– Я бы вас с удовольствием подвез... куда вам там надо, но в таком виде, боюсь вы мне всю машину перепачкаете, я потом на химчистке разорюсь. И, если честно, мне некогда, у меня назначена встреча. – Он кивнул куда-то в сторону, видимо показывая направление. Наверняка там его ждала какая-то фря с силиконовыми губами. – Вот, держите. – Верзила достал кошелек и отсчитал несколько крупных купюр. – Надеюсь, что этого хватит, чтобы замять произошедшее недоразумение?

Марина онемела от возмущения.

– Мало? – Верзила истолковал ее замешательство по-своему и добавил еще одну бумажку. – Не так уж сильно вы пострадали. Даже если учесть порчу одежды, это покроет все с лихвой. И потом, вы переходили дорогу в неположенном месте, здесь темно и вряд ли найдутся свидетели. На вашем месте я бы...

Договорить он не успел. Марина влепила ему звонкую пощечину. И сама испугалась своего поступка. Никогда раньше она не била людей. Что вдруг на нее нашло?

– В расчете, – бросила она и побежала к подошедшему автобусу. Ее всю колотило, то ли от холода, то ли от переизбытка адреналина в крови.

Пассажиров в это время было немного, но и те смотрели на Марину как на бомжиху и старались не прикасаться к ее грязной одежде. Девушка не стала садиться и прошла в самый конец автобуса. Сквозь большое стекло она видела, как сбивший ее водитель постоял на месте еще какое-то время, а потом направился в сторону дома Елизаветы Петровны.

Эмоциональное напряжение спало, после всего пережитого нужна была разрядка, и Марина внезапно разрыдалась прямо в автобусе, сползая вниз по стенке. Ушибленное место ныло, кружилась голова, а мокрая одежда неприятно липла к телу.

Марина размазывала по лицу слезы, оставляя на щеках грязные разводы. И ей было плевать, что подумают о ней люди.

В кармане завибрировал мобильный.

Звонила Аня.

– Да! – наверное, слишком громко выкрикнула Марина, потому что потерявшие было к ней интерес пассажиры снова посмотрели на девушку с осуждением. Кто-то даже шикнул, словно находились они не в общественном транспорте, а в библиотеке. – Аня, это ты?

Сквозь помехи пробился едва различимый голос сестры:

– Я жду тебя дома.

После чего раздался треск и связь прервалась.

– Аня, тебя не слышно, перезвони, пожалуйста.

Несмотря на помехи, Марина так обрадовалась звонку, что едва не пропустила свою остановку и успела выскочить, когда двери уже закрывались.

На улице стояла непроглядная тьма, но это уже не имело значения. Аня нашла, а значит, Марине больше не нужно бояться темноты, ведь теперь она будет дома не одна. Расстояние от остановки до дома Марина преодолела очень быстро, ей казалось, что она парит над землей. Настроение стало легким и беззаботным.

Марина дала себе обещание: ни в коем случае не ругать сестренку за то, что та долго пропадала и ни разу не позвонила. Она даже не станет спрашивать, у кого Аня жила все это время, захочет – сама расскажет. А еще она обязательно признается Ане, что боится ночевать дома одна.

Уже подходя к подъезду, Марина вдруг почувствовала тревогу. В окнах не горел свет, и Аня так и не перезвонила.

Конечно, она могла подождать сестру на скамейке возле подъезда, но для начала нужно было подняться в квартиру, переодеться. В таком виде она распугает припозднившихся жильцов да еще и воспаление легких подхватит.

Марина достала мобильный и поискала пропущенный вызов от сестры, чтобы посмотреть, сколько времени прошло после звонка. Странно. В телефоне не было никакой информации о том, что Аня звонила.

– Прощай мой друг. – Марина погладила старый аппарат. Она решила, что удар об асфальт сильно повредил телефон и пора подумывать о замене. Но сначала нужно будет купить осеннее пальто, погода портится слишком стремительно.

Ане она перезвонила сама. Механический голос сообщил, что абонент находится вне зоны действия сети. У Марины опустились руки. Теперь она снова боялась идти домой. А ведь для кого-то дом – его крепость. Марина не могла отнести себя к числу этих счастливиц.

Но делать было нечего, не в подъезде же ей ночевать, ей-богу!

Лифт не работал. Плохо. Очень плохо. До шестого этажа еще нужно добраться, а

площадки освещены только на первых двух. Сколько раз Марина говорила себе, что нужно носить с собой фонарик, но купить его все было некогда. Тусклый свет от малюсенького экранчика ее допотопного телефона вряд ли поможет, и Марина, собрав всю волю в кулак, сделала первый шаг.

На пустых лестничных пролетах шаги звучали гулко – отбивали сперва четкий, слаженный ритм, а потом вдруг бросились врассыпную: то убегали вперед, то едва слышно шуршали где-то за спиной.

Раздавшийся в полной тишине стон, перешедший в тяжелый вздох, заставил шевелиться волосы на затылке. Вдоль позвоночника скатилась холодная капля пота.

Марина, не помня себя от ужаса, преодолела последние три пролета в рекордно короткий срок, перескакивая сразу через несколько ступеней.

Она уже отыскала в сумочке ключ, когда кто-то потянул ее за край плаща.

Девушка вскрикнула от неожиданности и обернулась.

Никого. Только что-то белело в темноте.

Она наклонилась и подняла с пола бумажного журавлика. Какой-то ребенок потерял свою игрушку. Наверное, это он напугал Марину. Как же все просто.

Страх тут же лопнул, как мыльный пузырь. Девушка даже испытала что-то вроде чувства радостного облегчения. Нет никаких монстров и быть не может.

Страх темноты имеет свои корни и логически вполне объясним. Большинство преступлений совершается в темное время суток. Отсюда складывается стереотип: темнота таит опасность. И поэтому совершенно нормально бояться темной подворотни, где, возможно, тебя подстерегает злодей.

В квартире стояла тишина. Марина часто встречала в книгах упоминание о «неправильной тишине», но никогда не могла понять, что бы это значило. Теперь вот поняла. Тишина была абсолютной, от того и казалась неестественной, inferнальной. На кухне не капала вода из крана; не скрипел старый паркет; кажется, она не услышала даже щелчка закрываемого замка.

А еще Марина буквально кожей почувствовала, что в квартире она не одна.

Радость быстро сменилась предчувствием беды. Если Аня все же была дома, то уже выглянула бы из комнаты. Значит... а что, собственно, это может значить? Ни одной конструктивной мысли в голову не шло.

Рука потянулась к выключателю. Вопреки ожиданиям свет не вспыхнул.

Марина подумала, что в фильмах в такие моменты обычно звучит тревожная музыка, камера отъезжает от лица главной героини и показывает какой-нибудь дальний угол, где притаился преступник.

– Лампочка перегорела, – нарочито бодро произнесла она, хотя коленки предательски задрожали.

Неожиданно в лицо подул холодный ветер, отчего Марина едва не закричала. Ей вдруг показалось, что чья-то ледяная рука коснулась щеки. Воздух сразу стал будто плотнее, окутал девушку душной дымкой.

Еще эта проклятая тишина, будь она неладна.

На кухне тоже не было света. Зато было открыто окно, из которого ощутимо тянуло холодом.

– Так и до психушки недалеко. – Марина закрыла створку и зябко поежилась. – Вот уже и разговариваю сама с собой.

Пользуясь подсветкой мобильного и уже в который раз дав себе обещание обзавестись фонариком, Марина нашла в кухонном шкафчике белую хозяйственную свечу, сторевшую примерно на треть. Не бог весть какое освещение, но все же лучше, чем ничего. Тело уже начало чесаться от грязи и пота, надо бы пойти в душ, но вот как это сделать в темноте. Марина разозлилась на саму себя. Ей почти тридцать лет, а она боится того, чего никогда даже не видела. И почти сразу накатило удушающее чувство жалости к себе самой. Всю жизнь Марине приходилось рассчитывать только на себя. Мама вечно была занята работой, почти не уделяя времени дочерям. Может быть, именно поэтому Марина получила целый набор фобий и комплексов, самым безобидным из которых был именно страх темноты. Может быть, поэтому она до сих пор одинока. Разумеется, мужчины не отказывают ей во внимании, и в ее жизни бывали ухажеры. Вот только не было среди них того, кто стал бы для нее каменной стеной и на чье плечо она смогла бы опереться. Скорее мужики были готовы усесться Марине на шею и ножки свесить.

Уже почти год Марина не подпускала к себе ни одного мужчину ближе чем на расстояние вытянутой руки. Она всегда считала себя самодостаточной девушкой, не нуждающейся в чьей-то опеке. За что Аня обзывала ее махровой феминисткой.

– Не понимаю, почему ты подменяешь понятия, – говорила младшая сестра тоном школьной учительницы. – Опеку вполне можно назвать заботой, а некоторые слабости мужчин сойдут за тонкую душевную организацию.

Вот только самой Марине не нужен лирик и поэт. Не те времена, чтобы слушать серенады. Выйдешь замуж за такого рыцаря – и вскоре умрешь с ним в один день. От голода. Под забором.

Мужчина должен обеспечить себе и своей женщине нормальное существование. Нет, Марина не содержанка и никогда не мечтала найти «папика», который осыпал бы ее бриллиантами и возил бы по выходным на Сейшелы; она хотела видеть рядом того, с кем можно не думать о дне сегодняшнем и не страшно заглянуть в день завтрашний. Вот только права была их бухгалтер – мужик нынче пошел хилый, как карась на отмели. Хорошо, если просто слюняй, а то ведь находятся отдельные экземпляры, которые способны поднять руку на женщину.

Взять хотя бы хама, который сбил ее сегодня. Вместо того чтобы просто извиниться за причиненный ущерб, он ее оскорбил и едва ли не выставил виноватой в случившемся. А ведь должен был отвезти пострадавшую в больницу. Что, если Марина получила травму? Он сам был виноват в аварии, но выкрутился, ушел от ответственности.

От воспоминаний о громиле с грубым каменным лицом у Марины засосало под ложечкой. Правая рука вспыхнула огнем, словно вновь ощутила колючую щетину. С чего бы ей вообще думать о нем? Здоровенный, грубый, неотесанный мужлан. На павиана похож.

Вот именно – павиан и есть! Промелькнула и угасла предательская мыслишка, что павиан все же красивый. Вот только Марина навсегда для себя уяснила: довериться красивому мужчине все равно что войти в клетку с голодным тигром. Удовольствие от созерцания будет коротким, а боль от острых клыков не забудется никогда.

История ее любви была хрестоматийной, оттого еще более обидной и унижительной.

Тогда она, молодая и амбициозная студентка истфака, Марина Соломатина, мечтавшая совершить переворот в современной археологии, даже не думала, что может произойти нечто, что перевернет привычный уклад жизни. Среди преподавательского состава Марина

слыла студенткой, подающей большие надежды, завистливые же сокурсники навесили на нее ярлык зубрилы и синего чулка. Только сама девушка мало обращала внимание на то, что думают о ней другие. Она знала, чего хочет добиться, была готова преодолеть любые препятствия на своем пути. Марина и подумать не могла, что существуют вещи, способные вывести из равновесия даже самых стойких, самых упорных энтузиастов своего дела. Разве что случится глобальная катастрофа, после которой земля превратится в безлюдную, голую пустыню и останется только один стимул – выжить во чтобы то ни стало.

Но настоящей катастрофой для Марины оказался Максим Макаров: широкоплечий атлет с белоснежной улыбкой античного бога. Он все перевернул с ног на голову, она влюбилась и забыла обо всем на свете, отдавшись новому, еще неизвестному чувству целиком и полностью.

Через две недели к ней домой пришел секретарь из деканата: очкастый сутулый паренек, усыпанный прыщами, как спелый подсолнух семечками. Смущаясь и заикаясь, он спрашивал у Марины, почему та перестала посещать занятия, и тут же сам предлагал версии:

– Ты, наверное, заболела? Или что-то случилось с родственниками? С мамой все хорошо?

– Корышев, можешь передать декану, чтобы он готовил мои документы к отчислению. Я поняла, что ошиблась в выборе вуза. – Марина не понимала, откуда в ней взялось столько раздражения и злобы на хорошего в общем-то парня, но в тот момент ей было плевать на него: зашуганного, дерганого и такого *некрасивого*. Она без сожаления вытолкала его за дверь и вернулась в комнату, где на нее смотрели карие глаза античного божества.

Их роман продлился чуть дольше месяца и закончился печально. Марина пришла к своему возлюбленному, не позвонив заранее, как было условлено между ними. Она не шагала, а буквально парила над землей, ведь у нее была заготовлена потрясающая новость. Девушка уже представляла, как сильные руки заключат ее в объятия, как закружит ее Максим, осыпая поцелуями и словами о любви.

Мечты разбились в тот самый момент, когда Марина увидела, как ее божество, лучший на свете мужчина целует другую нимфу. Никого не стыдясь, прямо возле своего подъезда. А ведь с ней он не позволял себе подобной вольности. Встречи проходили всегда у Марины дома и только в то время, когда там не было мамы и сестры. Максим никогда не приглашал ее в кафе или в кино.

– Нам ведь и так хорошо вместе, безо всех этих штампов и шаблонов, – говорил он так убедительно, что Марина и не думала сомневаться.

А теперь отдельные эпизоды в их отношениях, которые все же немного беспокоили ее, сложились в цельную картину. Ее сердце было разбито. Марина так и не смогла уйти, смотрела, как Максим обнимает незнакомую ей блондинку, а потом, точно почувствовав Маринин взгляд, очень медленно поворачивает голову в ее сторону.

– А, это ты, – слова звучали так буднично, так жестоко.

Марина почувствовала, что задыхается. И земля снова начала уходить из-под ослабевших ног.

– Что застыла? – В голосе подошедшего Максима звенел металл. Он разговаривал с Мариной так, точно она была его врагом. Будто не ее он совсем недавно называл своей в жаркой постели, овладевая податливым юным телом. – Даже хорошо, что ты сама все увидела, мне не придется прятаться от тебя и выдумывать предлоги, чтобы не встречаться. Или ты думала, что все это навсегда? – Карие глаза вспыхнули недобрым огнем. Так вот

каким на самом деле оказался ее античный бог!

Она еще долго смотрела вслед удаляющейся парочке и слышала заливистый смех блондинки, которой разгоряченный Максим что-то шептал на ушко. Все последующие дни слились для Марины в одну серую череду дней. Документы на кафедре ей выдали быстро, только прыщавый секретарь смотрел с сочувствием и жалостью. «Неужели знает?» – мелькнула мысль и исчезла, не оставив и следа. Но это уже было не важно. Сразу две Маринины мечты рассыпались прахом. В следующий раз она осознала себя лежащей в больнице. Грубая санитарка гремела алюминиевым ведром, что-то бурчала себе под нос. Увидев открывшую глаза Марину, сплюнула на пол:

– Шалава малолетняя. Ну, чего разлеглась? Тут тебе не санаторий. Ноги раздвигать научилась, значит, и шагать сможешь. Поднимайся давай, мне еще три палаты после вас, проститутток, отмывать.

Марина опустила босые ноги на холодный кафельный пол, зябко поежилась. Низ живота прорезала острая боль. Не удержавшись, девушка застонала. Санитарка, вместо того чтобы помочь, плюхнула в ведро тряпку, окатив Марину грязной водой, и вышла, продолжая материться и сыпать оскорблениями.

Через неделю девушка сидела в кабинете гинеколога: приятного дядечки неопределенного возраста. Он что-то долго писал в ее карте, изредка отрываясь и поглядывая на пациентку с рассеянной улыбкой, задавал короткие вопросы:

– Что-то болит? Кровотечения не беспокоят? Ночью спите хорошо?

Марина отвечала рассеянно, невпопад.

– К моему глубокому сожалению, голубушка, новости совсем неутешительные. Хотя срок у вас был небольшой и оперативное вмешательство прошло нормально, нам не удалось купировать негативные последствия. В восемнадцать лет все заживает быстро, и очень скоро вы не вспомните об операции. Вот только, – доктор замешкался, – увы, забеременеть вы больше не сможете.

«Убийца!» – взорвалось в голове Марины.

Она совершила преступление и понесла наказание.

Внутри ее осталась пустота, которую нечем было заполнить. Почти шесть лет понадобилось Марине, чтобы снова почувствовать себя живой. Она даже подумывала восстановиться в институте, только поняла, что юношеские мечты не вернуть. Жизнь снова пошла своим чередом. Вот только довериться другому мужчине она так и не смогла. Максима с тех пор она встретила лишь однажды: столкнулась с ним у метро, когда бежала на работу. Он больше не казался ей античным богом. Обычный смертный, такой же привлекательный внешне, как и раньше, но абсолютно пустой внутри. Белозубая улыбка – обычный оскал, прекрасная фигура – лишь результат усердных тренировок. Он всегда был и остался рабом своего тела, забыв о душе. По Марине Максим мазнул равнодушным взглядом, возможно, он ее узнал, но вида не подал. Наверняка у него сменился не один десяток таких же, как она. Когда-то Марина думала, что умрет, если он к ней однажды охладет. Но вот жива. Потрепана, изранена, но жива. Старые шрамы почти не болят, лишь ноют иногда, напоминая о том, что все это действительно было с ней. Иногда Марина хотела стереть себе память, чтобы не помнить пережитое, но понимала, что память необходима, чтобы удержаться от новых ошибок. За необдуманными поступками следует расплата – невозможность изменить совершенное. И как следствие – бесконечное сожаление. И если даже хочется о чем-то забыть, делать этого никак нельзя. Память – наш плот из сладких

свершений и горечи потерь, радостных встреч и неизбежных прощаний, головокружительных взлетов и болезненных падений. Пока мы помним – мы живем. Марина сама не заметила, как задремала, сидя за столом. Когда очнулась, ломило поясницу и шею. К тому же девушка сильно замерзла – окно было открыто настежь, хотя она была уверена, что закрыла его. Часы на стене показывали три часа ночи.

Она встала, чтобы немного размять затекшую спину, подошла к окну и выглянула на улицу. На стекле застыли капельки прошедшего дождя, пахло горькой свежестью и жженой листвой. Темный двор был слабо освещен двумя-тремя тусклыми фонарями, только в глянцевах лужицах отражалась бледная луна. Марина уже хотела закрыть окно и все же пойти спать, когда один из фонарей возле дома замигал неверным оранжевым светом, уронив на мокрый асфальт блестящую кляксу. Тень она заметила краем глаза. Та двигалась очень медленно и осторожно, точно обдумывая каждый следующий шаг. Это был ребенок, совсем малыш. Но как он оказался ночью на улице? Один! Марина хотела крикнуть, чтобы тот никуда не уходил, она спустится и заберет его. Она не сразу поняла, что одет мальчик совсем не по погоде: в короткие шортики налямках и тоненькую маечку. А когда он вдруг остановился и поднял личико, Марина зажала рот рукой. Этажи, отделявшие ее от ребенка, перестали существовать. Синие глазенки оказались так близко, что Марина могла бы протянуть руку и коснуться бледного, осунувшегося личика. Это был *он*. Мальчик снился ей почти каждую ночь с того самого дня, когда она совершила самую страшную ошибку в своей жизни. Он приходил, садился на край кровати и просто молчал, глядя на нее небесного цвета глазами. Иногда Марине казалось, что ребенок ей не снится, что он настоящий, из плоти и крови. Но стоило ей попытаться дотянуться до него, погладить по белобрысой головке, обнять, прижать к груди, как мальчик исчезал. Только в голове звучали слова: «Там ничего нет...» Марина просыпалась в слезах, не в силах успокоиться. Сон повторялся снова и снова, пока однажды мальчик вдруг не исчез из ее сновидений. Марина ждала его, хотела увидеть, даже звала, но он больше не приходил. Однажды ей приснился совсем другой сон, в котором тот же мальчуган брал за руку Аню и уводил за собой. Марина испытала ни с чем не сравнимое чувство потери, горя и почему-то жгучей ревности. Младшая сестра оглядывалась, на ее лице блуждала какая-то потерянная улыбка, она не хотела идти, только ребенок настойчиво тянул ее за собой.

– Помоги! – Голос Ани прозвучал отчетливо и громко. Марина вздрогнула и увидела, как уличный фонарь, несколько раз мигнув, погас.

...Марина открыла глаза. Неужели снова сон? Такой реалистичный. Девушка бросила взгляд на окно. Закрыто. Короткая стрелка на часах дернулась и остановилась на цифре три. Кряхтя и охая, Марина подошла к выключателю, пощелкала несколько раз. Света все еще не было, а свечка почти догорела. Нужно успеть постелить себе на диване, пока она догорит, до утра осталось всего ничего, а завтра, точнее, уже сегодня – выходной. Придется как-то пережить вынужденные неудобства.

Шорох в комнате Ани был едва различимым, Марина не придавала ему значения. В старом доме всегда слышались какие-то шорохи, скрип рассохшихся половиц, шуршание обоев. Она уже расстелила простыню и взбила жесткую подушку, когда шорох повторился, а следом за ним послышались частые шаги: точно кто-то пробежал по полу маленькими ножками. Душа ушла в пятки. Она вспомнила единственную молитву, которую знала, неумело перекрестилась и прислушалась. Тишину нарушало только мерное тиканье часов да потрескивание догорающей свечи. Сердце колотилось так, что уши едва не закладывало.

Марина забралась под плед, не снимая грязной одежды, и вся сжалась в комочек, как в детстве, когда она пряталась от бабайки, живущего под кроватью. Девушка надеялась заснуть до того, как потухнет свечка – единственное ее спасение от темноты. Вдруг она услышала шипение.

Рыжий язычок пламени вспыхнул и погас.

Наступила крошечная темнота. Некоторое время Марина лежала, прислушиваясь к шорохам, завыванию ветра за окном, а когда за стенкой раздался четкий всхлип, подскочила, едва не свалившись на пол.

Убеждать себя в том, что она заснула и не услышала, как вернулась Аня, было бы глупо. Всхлип повторился, а за ним и топот. Марина укрылась пледом с головой, совсем как маленькая девочка, которая прячется от нависшей опасности. Сколько она так пролежала, час или всего минуту, девушка не знала, но под пледом становилось невыносимо жарко, и пришлось из-под него выбираться. Видимо, от страха Марине очень захотелось в туалет. Терпеть не было никаких сил, и она, зажмурившись, опустила ноги на пол, потом на ощупь вышла из комнаты и добралась до санузла. Рука автоматически нащупала выключатель, вот только электричества по-прежнему не было. На обратном пути Марина остановилась у двери в спальню Ани. Прислушалась. За дверью стояла тишина. Впоследствии она много раз ругала себя за то, что сделала, и не понимала, зачем так поступила. Когда она встречала подобные сцены в фильмах или на страницах книг, то ругала бестолковых героинь за глупость и считала, что, будь она сама на их месте, никогда бы так не поступила.

[Купить полную версию книги](#)